

Наталья КУРПЯКОВА,
*кандидат филологических наук,
заместитель главного редактора
газеты «Казахстанская правда»*

СЛОВА И СЛАВА ГЕННАДИЯ ДОРОНИНА

18 июня 2025 года исполнилось бы 80 лет Геннадию Доронину – большому талантливому писателю и легендарному казахстанскому журналисту. Трудно писать о Геннадии Николаевиче в прошедшем времени, потому что душа хранит радость от состоявшихся встреч, благодарность за сердечные беседы, теплые воспоминания о настоящем человеке, добром товарище, мудром собеседнике и наставнике. О писателе лучше всего рассказывают его книги. Их у Геннадия Доронина не один десяток, а написанных статей, наверное, тысячи. У его произведений много читателей и почитателей, которые в библиографии автора могут выбрать жанр по душе: рассказ, очерк, биографические записки, роман путешествий и приключений или антиутопию... Давайте вспомним некоторые страницы его биографии и его книг.



Дворянин уральского двора

Так случилось, что в начале жизни Геннадия Доронина было слово, причем слово печатное.

«Запах краски, грохот печатных машин, голубые всполохи цинкографии – всё таинство рождения завтрашней газеты окружало меня с пеленок. В нашей семье были наборщики, печатники, переплетчики, представители едва ли не всех тогдашних полиграфических специальностей, да и жили мы долгие годы по сути дела в самой типографии; за стеной нашей квартиры, если можно так назвать полторы комнатки, отгороженные от производственных цехов, ухали резальные станки, рычала огромная печатная машина, еще дореволюционного производства... Мне кажется, я родился, уже зная, что такое “цицера”, “нонпарель”, “шпигель”...

Одно из самых ранних воспоминаний моего детства связано, конечно, с типографией. Я лежу на огромной стопе бумаги, это моя кровать, мой стол, – в общем, почти дом. Мне года три-четыре. Бабушка моя Александра Львовна Милова стоит рядом, за столом, обитым сверкающими металлическими листами».

Бабушка Александра – фальцовщица. Наборщиком, а потом начальником наборного цеха был дед – Николай Милов, который отказался от брони



и в августе 1942 года ушел на фронт, а в августе 1943-го пропал без вести. Мать Геннадия Николаевича в типографии Уральска работала всю жизнь, начиная с 1939 года, освоив специальность наборщика, потом метранпажа. Наборщиком был его отец – Зайнуш Туктамышев, который

тоже воевал. В 1945-м родился их сын Геннадий, за шесть дней до парада Победы в Москве. Да, отметим: первая запись в трудовой книжке Геннадия Доронина показательна и символична – печатник в Уральской типографии.

Геннадий Доронин обладает даром помнить и вспоминать. Он будто путешествует по времени: события, люди, судьбы, интереснейшие детали 50–70-х годов незаметно затягивают читателя, перемещают по строчкам и страницам. Документальные и автобиографические произведения – «Глагол прошедшего времени», «Бершарал», цикл «Счастливые мосты» в книге «Он и она» – читаются на одном дыхании!

Очень скромный послевоенный быт с танцами под аккордеон, общими застольями, редким приездом артистов, праздничными демонстрациями. Тогда в шкафу – «на выход» – хранился темно-синий костюм из неизносимой материи «бостон», в сундучке тети Шуры – репродукции картин «Незнакомка», «Демон сидящий», «Царевна-Лебедь», «Всадница», вырезанные из журнала «Огонек», а перочинный ножик с перламутровой ручкой или калейдоскоп казались детям настоящими сокровищами.

Под пером писателя оживают улочки и дворы Уральска, их обитатели: работники типографии, инвалиды-фронтовики, соседи разных национальностей, живущие одной семьей, шофер в промасленной кепочке и, конечно, вездесущие мальчишки, спешащие на рыбалку или по другим важным делам. Например, на день рождения к другу.

Ксилофон в подарок Куанышу

«Накануне дня рождения Куаныша мы с матерью ходили по магазинам. Мать считала, что подарок должен быть “полезным”. Им могла стать рубашка, фаянсовая чайная чашка, расписная тюбетейка (тогда, кажется, дети всего Советского Союза носили тюбетейки) – недорого и прилично. Причем “недорого” всегда шло впереди “прилично”. Я категорически не был с нею согласен. Подарок – это игрушечное ружье, стреляющее пистонами, или черный пластмассовый пистолет, почти как настоящий, или “Победа” с заводным механизмом, или...

Но что бы мы ни купили имениннику из этих чудесных предметов, мне бы достался точно такой, потому что в те годы, когда дарение было и редкостью, и немалой щедростью, наши родители старались не допускать, чтобы мы завидовали друг другу. Одно дело, когда к сотне игрушек прибавляется еще одна, и другое, когда игрушки в диковинку, они не всегда по карману, и покупают их только на дни рождения, редко – к Новому году.

В этот раз, едва мы переступили порог магазина, до нас донеслась, как мне показалось, чарующая музыка. Как будто звенели далекие колокольчики. Мы пригляделись и увидели, что на прилавке магазина лежал небольшой ксилофон, и продавщица двумя молоточками пыталась извлечь из инструмента “Подмосковные вечера”. Конечно же, я не знал, что эта штука называется именно так – ксилофоном, а точнее, металлофоном, название придет позже, а тогда игрушка мне понравилась необычайно. Я не сомневался, что она придется по душе и моему другу.

Продавщица протянула мне молоточки, и я принялся с силой колотить ими по металлическим плашечкам, ведь громче – это значит лучше?.. Дикая какофония заполнила магазин.

– Мама, покупаем! – закричал я. Присмотревшись, я заметил, что на каждой металлической пластинке была обозначена нота, которую из нее можно извлечь: “до”, “ре”, “ми”... Как удобно!.. В коробке с игрушкой лежала довольно объемистая книжица, в которой были напечатаны всякие правила и мелодии.

– Нам два таких, пожалуйста, – сказала мама продавщице.

– Последний остался, так быстро разобрали, – развела та руками.

И мы купили ксилофон в подарок Куаньшу».

Заканчивается автобиографический рассказ «День рождения» встречей друзей спустя десятилетия:

«Не так давно мы снова встретились в Уральске. И постаревший Куаньш сказал:

– А ксилофон тот помните? Так он цел... Еще внукам послужит. Только ноты стерлись...

И мы подумали, что и сегодня смогли бы на нем сыграть сообща. И ноты нам не обязательно нужны, у нас есть нечто большее...»

Уральск – лучший город Земли

– Мы оба родом из Уральска. Мне довелось познакомиться с мамой Геннадия Николаевича – Галиной Трофимовной. Кстати, настоящее имя ее редкое – Агрипшина. Я навещал ее, когда Доронин уже работал в столице. Она рассказывала о сыне, беспокоилась о нем. Видел, как они трогательно относились друг к другу. Он высокий, уже с сединой в бороде, смотрел на нее сверху вниз чуть робко, улыбаясь... Помню, вместе возвращались в Астану поездом. Как она снарядила сына в дорогу – целая авоська еды: курочка, картошечка, яйца, зелень, пирожки, даже конфеты, – вспоминает Сабит Малдыбаев, главный редактор газеты «Казахстанская правда», где журналист проработал немало лет. – А как он любил свой родной город, свой Урал! Каждый год стремился туда приехать. Как трепетно пишет об истории города и знаменитых личностях Уральска.

Геннадий Доронин не только словом, но и делом участвовал в судьбе родного края. Он стал одним из инициаторов культурно-исторической и экологической экспедиции «По следам Правдухина». В 1929 году по реке Урал на лодках отправились писатели Валериан Правдухин, Алексей Толстой, Лидия Сейфуллина и их спутники. В 1996-м их путь решили повторить казахстанские журналисты, общественные деятели, на следующий год снова – уже в расширенном составе. Так экспедиция стала традиционной и международной, имеет конкретные практические результаты.

Доронин – без преувеличения – легендарный журналист. Первая его заметка (еще школьника) в 1958-м была опубликована в газете «Приуральская правда» и называлась «Хороша рыбалка на Анкате». С 1967 года он работал на телевидении, в областных и республиканских изданиях.

Уже на журфаке КазГУ Доронина звали уважительно «Старик», потому что за плечами студента была служба в армии, работа в районке и настолько весомый багаж знаний, что порой побаивались умного и ироничного студента даже преподаватели. Он всегда удивлял коллег монументальностью познаний и исключительной памятью, интересом ко всему на свете: книги и кинематограф (классические и современные), рыбалка, спорт, компьютерные игры... А начинающие журналисты буквально каменели, когда он вворачивал в разговор цитату из Хемингуэя или выученного почти наизусть в студенчестве «Золотого теленка».

Коллеги-журналисты отмечали, что газетные материалы Геннадий Николаевич писал быстро и, казалось, легко. Так, в кабинете за чашкой чая он рассказывал о какой-нибудь вполне бытовой ситуации, а в газете на следующий день она читалась по-другому: была осмыслена, поднята на высокий уровень обобщения и приглашала к размышлению о серьезных проблемах.

Но вернемся к Уральску. Геннадий Николаевич всегда так вдохновенно рассказывал об Уральске и его знаменитых обитателях, что все вокруг очень скоро были убеждены: это лучший город Земли. А книги его просто переносят в прошлое, и ты, как в кино, видишь старые улицы и дома, мошкарку, вьющуюся в свете фонаря, или у ночного костра на берегу слушаешь плеск волны... Это живой образец работы со словом – образным, точным, емким – каким оно должно быть и у писателя, и у журналиста.

Название одной из самых известных книг Доронина дала неприметная степная речка – Бершарал. Четко и лаконично обозначена ее тема – «Книга об Урале, Уральске и об уральцах». Заметим также, что дома и улицы города как топографический пласт переключались и в художественные сочинения. С первой страницы книги ты погружаешься в удивительную «поэтическую географию», посвященную городу, его улицам, переулкам, домам, рекам и мостам, а также рыбалке.

Геннадий Николаевич, редкий стилист и мастер описаний, еще и заядлый рыбак, который знает добрую дюжину рецептов рыбацкой кухни. Уженье – одна из любимых тем автора, тщательно прописанная, прочувствованная. Так увлеченно отзывался о рыбалке, наверное, только маленький Сережа, герой аксаковской хроники «Детские годы Багрова-внука». А Доронин о рыбалке и рыбаках написал целую книгу – «Золоченое доньшко».

В уральских реках ловили на червя, живца, кузнечика, хлеб или тесто, личинку майского жука и мормыша. Каких только не было наживок, насадок, прикормок и приманок! И какой был улов! Толстогубые сазаны, зубастые судаки, усатые, похожие на запорожцев сомы, хитрющие щуки. Любимая уральцами прожорливая серебристо-голубая чехонь, вобла, жерехи, язи и совсем уж загадочные голавли и подусты. Продавали ту рыбку не штуками, не килограммами и даже не связками, а вязанками, и считали по головам...

«Когда я слышу слово “родина”, то мне сразу представляются родной Урал, светлый и наполненный птичьим гамом лес, огромная, как Вселенная, степь, – писал Геннадий Николаевич. – Думаю, что у каждого человека родина начинается с его дома, с его реки... Мои заметки, конечно же, необъективны. Мне дорого всё, о чем я рассказываю, я люблю свой город, его особый, неповторимый народ и поэтому каюсь: я не беспристрастен».

Герои многих произведений – земляки, уральцы, жившие столетия назад, и современники автора – писатели, поэты, краеведы, издатели, книголюбы. История края – тоже особая тема в творчестве. Геннадий Доронин не уставал повторять, что Уральск – место необыкновенное, с повышенной «плотностью

истории». И творческих людей там больше, чем в любом другом городе, как будто образовалось на стыке материков особое энергетическое поле...

Приуралье – родина Курмангазы, Даулеткерее, Розы Джамановой, Кадыра Мырзалиева, Жубана Молдагалиева, Маншук Маметовой... С Уральском связаны имена баснописца Крылова, писателей Короленко, Шолохова, Тукая, Сейфуллина, Муканова. На фасаде знаменитого Атаманского дома размещены мемориальные доски, свидетельствующие, что в нем останавливались Василий Жуковский, Владимир Даль, Лев Толстой и – Александр Сергеевич Пушкин.

О Пушкине

«С Пушкиным я познакомился давно, еще в детстве. У него был такой красивый цилиндр, что меня всё время подмывало спросить: он из картона или настоящий – из черного бархата, фетра, или из чего там делали эти неудобные головные уборы в XIX веке? Но Пушкин был такой торжественный, что его всё время фотографировали, даже прицеливались в него кинокамерами, а он принимал позу, как памятник в Москве, и казалось, что Александр Михайлович Опекушин, академик скульптуры, бывший крепостной, когда работал над своим шедевром, имел в виду именно нашего Пушкина – из Уральска.

Пушкин всё время требовал, чтобы все читали его стихи наизусть, и за это дарил книжки “Васёк Трубачёв и его товарищи”. Пушкин регулярно появлялся на праздничных утренниках, даже на новогодних елках, и, конечно, праздниках своего имени – в июне, когда родился, осенью – когда приезжал в Уральск, и в поминальный день в феврале, когда его злодейски убил приемыш Геккерна, язык не поворачивается назвать его Дантесом. Тогда Дантесом был благородный Эдмон – граф Монте-Кристо...»

Александр Сергеевичу посвящены замечательные очерки-исследования Геннадия Доронина – «По Пушкинской дороге» и «Пушкинский дом», повесть-эссе «Прощание с Большой Михайловской».

Между пунктами назначения

«Старый друг уезжает», «День убийц», «Он и она», «Жизнь и смерть Бурадино», «Остров», «Свет земной», «Глагол прошедшего времени», «Между пунктами назначения», «Высокая эротика катастроф»... Кому-то из читателей нравятся романы, другим больше по душе сборники рассказов. Невероятные приключения, запредельные путешествия, смешения временных и пространственных пластов; герои, которые убегают и не могут скрыться от одиночества, они утратили иллюзии, беззащитны перед судьбой, но сильны своей надеждой и верой. Внимательные книгочеи подмечают, что в романах мелькают знакомые лица: например, именем коллеги-журналиста называется площадь и даже корабль. А чувство юмора, неутраченная детская фантазия и любовь к фантастическому – притягательные качества как творчества, так и личности Геннадия Доронина.

Сам же автор однажды в предисловии признался: «Вообще-то, эта книжка о любви... Хотя никто в любви ничего не понимает. Я – подавно...» Читатель же чувствует и понимает главное: Геннадий Доронин всегда пишет о любви, а в остальном слегка «кокетничает», как и положено большому писателю.

А о мемуарной прозе Доронина говорят, что, читая ее, хочется самому взяться за перо, чтобы вот так же свободно и занимательно поделиться своими воспоминаниями. Писатель так точно и «вкусно» описывает увиденное когда-то! И ведь не смотрел же, не запоминал специально, не записывал в заветную тетрадку, но заметил, запомнил не только вехи и знаки эпохи, но и детали

привычного и неприметного. И оказалось, что сегодня именно они стали для нас измерением исторической ценности и значимости минувших времен.

Аким Тарази, чей роман «В тени протуберанца» переводил Геннадий Доронин, говорил: «Я называю его Гена-бала. Он талантливый писатель и добрый человек. Его самое главное богатство – его сердце. Он не претендует на славу известного писателя. Его произведения, как он сам, скромные, но глубокие. И это произведения уровня мировой литературы. С годами они еще больше будут цениться читателями и, думаю, займут свое место в истории литературы Казахстана».

«Жизнь и смерть Буратино»

Этот роман занимает особое место в творчестве Геннадия Доронина. Он увлеченно писал его, с нетерпением ждал откликов от читателей, возвращался к своим героям, в последние годы работал над продолжением.

Из житейских (часто печальных, безвыходных) историй книги «Жизнь и смерть Буратино» складывается портрет героя нашего негероического времени. Писатель легко играет со временем и пространством. Стоит только свернуть в незнакомый переулок, как окажешься в незнакомой вселенной, уверен автор, постоянно заставляющий своих героев проверять его теорию практикой.

В придуманном – или увиденном и изображенном? – мире прошлое никак не кончается, будущее не наступает («Его еще выстрадать нужно»), поэтому многие герои Доронина ищут то ли вчерашний день, то ли страну счастья Беловодье. Они тоскуют по неслучившемуся, сгорают от любви, пытаются вспомнить что-то главное, которое «незаметно смешивается с неглавным и превращается в большие пустяки».

«Жизнь и смерть Буратино» – совершенно постмодернистский роман, в свое время даже слегка эпатировавший читающую публику. Писатель соединил элементы мифологизированной прозы, иронического повествования, приключенческой фантастики, антиутопии. Это произведение – находка для филологов, которые могут с головой закопаться в его архетипах, хронотопе, реминисценциях, концептах и символах, миромоделировании и номинативной семантике... Поверьте, современное литературоведение обладает мощным инструментарием интерпретации текста. Но лучше обратиться к оригиналу, где каждый читатель найдет много неожиданного, парадоксального, даже абсурдного: такая, знаете ли, фантастика с вермутом, с вареными человеческими головами и зеленым, как динозавр, кактусом, скучающим по своей хозяйке...

Буратино – сложный герой, чья «родословная» выходит далеко за пределы первых читательских ассоциаций. И этот герой оказался особенно дорог автору. Поэтому и неожиданно, и закономерно то, что в последнее время Геннадий Николаевич снова обратился к нему, «замахнувшись» на приквел – «Буратино, ранние годы» (повествование в фиолетовых тонах). Обозначил писатель и потенциальную аудиторию, посвятив книгу своему внуку – Даниилу Олеговичу.

«...В общем, я думал, что запас известных мне историй о приключениях Буратино уже исчерпан, но оказалось, что это не совсем так, и убедил меня в этом серьезный человек – Даниил Олегович – мой внук.

– Почему ты не напишешь новую книгу? – спросил он. – Разве уже всё написано? Разве литература приказала долго жить? Напиши для меня и моих друзей.

Признаюсь, время от времени я думал об этом же: даже если окажется, что последние книжки уже написаны на земле, то почему бы мне не напи-

сать “самую последнюю книгу” или “самую-самую последнюю”, или “первую после последней”. Разве сама литература не мистифицирует нас с самого дня своего рождения?

– А там, глядишь, и поправится дело с читателями, – обнадежил меня внук».

Буратино и ветреная красавица Мальвина, мадам Карabasова и старик Азор, Пьеро и Коломбина, живописец Махорин и функционер Василий Митридатович, Тортилла и Снежный человек... Читатели снова погружаются в доронинский поток тем, ассоциаций и метафор, узнают его критически-иронический стиль.

Эти заметки – многоголосая проза. Воспоминания, сожаления и ненавязчивые советы, разговоры-споры-ссоры, размышления то ли о прошлом, то ли о будущем страны, которой нет на карте, и, конечно, о любви, которая и делает жизнь осознанной и наполненной.

О настоящем писателе и человеке

Давайте произнесем вслух: «Геннадий Доронин!» Звуки сонорно-звонкие, как на подбор, обстоятельные, распевные, словно зовущие в дорогу... Однажды после встречи Геннадия Николаевича со студентами-филологами услышала: «Вот он – настоящий классик!» Восхищенную оценку ребят можно понять. И принять.

Геннадий Доронин и его книги – настоящие. Они учат (а настоящая литература должна учить) правильным, простым и от того особенно ценным вещам. Любви – к людям, родной земле, реке, городу... Верности – друзьям и идеалам, бережному и внимательному отношению – к ближнему, к прошлому, к происходящему вокруг.

Фиолетовые чудилы, говорящие мыши, обитатели чердаков, племя подвальных людей, старинный род подворотен, прекрасные женщины по имени Мария живут где-то рядом и вполне могут встретиться друг с другом и с нами. Наверное, такая встреча произойдет где-нибудь на улочках Уральска, где все вместе будут наблюдать, как подъезжает в коляске к атаманскому дому Пушкин...

Отыщут ли герои Геннадия Доронина Беловодье, мелькнет ли на их пути долгожданный лучик света? Скорее всего, нет. Однако Аким Тарази отмечал: «Меня Доронин учит жизнелюбию. Всякий раз, читая его прозу, я выхожу вместе с ним победителем над мраком бытия». А мне запомнилась реплика одного из персонажей замечательной лирической миниатюры «За подкладкой»: «Разве находить уже стало важнее, чем искать?» Согласитесь, тут есть над чем поразмыслить.

